

ЗУБЕЛЕВИЧ Ю. М. — в ПОМПОЛИТ

ЗУБЕЛЕВИЧ Юлия Михайловна, родилась в 1882 в селе Кильмезь Маленьжского уезде Вятской губ. По профессии педагог. С 1903 — член партии эсеров, с 1911 — в эмиграции, в 1917 — вернулась в Россию, проживала в Кронштадте, работала в Народном университете, заведующей театром, затем — внешкольным отделом народного образования. С 1919 — проживала в Москве, работала инструктором в Центральном архиве, затем инструктором по народному образованию в Союзе строительных рабочих, с 1921 — «зарабатывала на пропитание шитьем». В марте 1918, в марте 1920 — арестовывалась, позднее освобождалась. В феврале 1922 — арестована, 1 апреля приговорена к 2 годам ссылки и в августе отправлена в Оренбург. 2 апреля 1923 — арестована в Оренбурге в связи с празднованием ссыльными социалистами 25-ти летнего юбилея РСДРП. Переведена в Актюбинск, где работала в детском доме.

Осенью 1923 — обратилась в Помполит, копия ее письма была распечатана, а его оригинал передан Ф.Э. Дзержинскому.

<Осень 1923>

«Летом 1923 года мне пришлось работать в д<етском> д<оме> № 1 в г<ороде> Актюбинске (губ<ернский> город Киркряя). При мне сменились два заведующих д<етского> д<ома>, оба беспартийные, бывшие учителя. Люди эти были средние, не блестящие талантом, но добросовестные, бережно и заботливо относящиеся к детям. Работа была трудная, дети были очень нервные — в большинстве это были сироты, родители которых умерли в голодный год; физически слабые, недисциплинированные, почти неграмотные. Но работали над ними, не покладая рук, бессменно, будучи на посту с 5 ч<асов> утра до 9 ч<асов> вечера; и дети, приведенные к нам под конвоем милиции из др<угих> д<етских> д<омов> начали сильно поправляться — уже прекратилось беганье по базару, начались систематические занятия, водворялась совсем приличная дисциплина; несмотря на всю нервозность детей — почти не было случаев грубости к старшим. Правда, большим злом было отсутствие своих мастерских, где бы дети могли обучаться ремеслу, но со временем и этого надеялись добиться от Отдела.

Между тем в конце окт<ября> начались перемены — кто сам ушел, кого уволили. Заведование 2-мя д<етскими> домами поручили коммунисту Кроту. Быстро он начал водворять новые порядки: с места в карьер делает сначала одной, затем другой воспитательнице гнусные предложения, кто не идет навстречу, тех немедленно увольняет; такой же участи (т<о> е<сть> увольнения) подвергаются те, которые держат себя по отношению к Кроту с достоинством, как из среды воспитательниц, так и технич<еского> персонала; с оставшимися воспитательницами отношения самые прозрачные — и все это на глазах у детей.

Оставленные на месте воспитательницы, считая себя "забронированными", не считают нужным обращать внимание на детей: одни из них заняты флиртом, другие — приведением в порядок канцелярии Крота, кот<орую> он сам обязан вести. Дети живут сами по себе, персонал сам по себе — не происходит никаких занятий с детьми, раньше приходил инспектор для обучения "Сокол" гимнастики, происходили занятия по общеобраз<овательным> предметам, детям все время приносились свежие книги, устраивались чтения вслух, почти ежедневно велись беседы, устраивались экскурсии, понемногу вводился ручной труд, ежедневные дежурства и пр<очее>. Все это пошло насмарку:

24 часа в сутки дети оказались предоставленные сами себе; в результате: беганье по базару, воровство, озверение.

Живут два мира, словно по неписаному договору — живи каждый мир, как себе хочешь, только один другому не мешай. Но иногда один мир зацепит за другой: не вытерпят мальчуганы, проявят свое неуважительное отношение к воспитательнице (ей 20 лет, а ребята есть по 17 л^{ет}); та составляет на них жалобу, включив их в список "преступников". Детский Суд начинает судить: кого в Исправдом отправляет, кого в дефект^{ивный} д^{етский} д^{ом}. Из подростков, которых было 55-60 чел^{овек}, осталось 10 чел^{овек}, остальные или осуждены, или убежали. Каков деф^{ективный} дом будет, не знаю, при мне его только оборудовали, но говорили, что готовят там решетки.

Итак, не совсем верно, что оба мира живут всегда независимо один от другого: иногда мир начальства врывается в детский мир очень и очень чувствительным образом. Иногда "начальство", т^о е^{сть} Крот, бывает не в духе, или ему вдруг в голову взбредет водворить дисциплину: среди ночи будит разоспавшихся детей, с грозными окриками, со стаскиванием с постели за волосы, с угрозами револьвера, это для того, чтобы сделать перекличку. Битье тоже бывает: то за ухо схватит так, что струйка крови польется, то за шиворот рванет ребенка так, что он стучается о противоположную стену, то схватит две головы за волосы и начнет их стучать др^{уз} о др^{уз}; стоянье на коленях — обычная вещь, угрозы револьвером и крики: "Всех вас, мерзавцев, перестреляю". А так как иногда он и в пьяном виде появляется перед детьми, то, понятно, к чему может привести подобные угрозы в пьяном виде. Несколько раз мальчиков отправляли ночевать в подвал милиции. Однажды пришедший посетитель хотел в д^{етском} д^{оме} навести справки об одном мальчике. Встреченный грубо заведующим — посетитель вышел; Крот кричал ему вдогонку, чтоб он не смел уходить; посетитель продолжал идти; Крот кричал ему в вдогонку, чтоб он не смел уходить; посетитель продолжал идти; тогда Крот схватил винтовку и выстрелил ему вдогонку несколько раз. Затем вызвал милицию, приказав посетителя арестовать. На другой день в милиции рассмотрели дело и выпустили невинно пострадавшего, перед ним извинившись. Кроту же ничего не было. Дети все присутствовали при сцене стрельбы, погони и ареста.

Говорить нечего, что Крот полный невежда, без всякого образования, о педагогике не имеет никакого представления, большой, неуравновешенный, что называется, "зарвавшийся" окончательно, при том нечестный (дело о нем ведется Гор^{одской} милицией).

Таков Крот. Но не сам по себе интересен его тип, а интересны условия, его породившие. После получения на него жалобы 1-й воспитательницей (уволенной им за отказ на гнусное предложение, фамилия ее Кушнер), отдел Народного образования жалобу ее положил под сукно. Прошло сколько-то времени; вдруг произошел почему-то сдвиг: уволенная воспитательница была приглашена на какое-то заседание для дачи показаний, после чего просили ее снова вернуться в д^{етский} д^{ом}. Оптимисты ликовали: "Правда восторжествовала", — пессимисты каркали: "Но ведь и он остался, значит, все пойдет по-старому".

Впрочем, на Крота стали немного нажимать сверху, он раздражался все больше, вымещая злобу на ребятах, за которых уже никто не заступался, т^{ак} к^{ак} с легкой руки Крота за детьми окончательно утвердилась слава мерзавцев, скотов, которых всех надо или собрать в кучу и сжечь, или переломать всем ребра, или, еще лучше, посвертывать всем головы. Дети все больше ненавидели Крота, ожесточились, решаясь на отчаянные выходки, или убегая полуголыми среди страшной стужи.

Ясно было с первого его шага на педагогическом поприще в Акт<юбинске>, что такого педагога надо в три шеи гнать из д<етского> д<ома>; ему же давались все большие и большие полномочия со стороны Отдела, кот<орый> стоял за него горой, проявляя к нему более чем отеческое снисхождение.

Когда обращались к лучшим коммунистам относительно его безобразий, те отвечали: "Сами знаете, что он за человек, но что с ним поделаешь, когда в этом вопросе так все нити сплелись, что никак их не распутаешь и нигде концов не найдешь. Перед стеной стоим".

М<ожет> б<ыть>, там у вас в Москве можно раздобыть и отослать в Актюбинск такой таран, который бы разбил эту стену — и чтоб ни Крот, ни другой ему подобный более не смел бы, прикрываясь именем коммуниста, продолжать калечить детей.

Я работала в д<етском> д<ома> с 1 июня по 5 октября 1923 года почти 5 мес<яцев>. Назначена я туда была с разрешения ГПУ. В конце октября подул для нас ссыльных Актюбинска какой-то неблагоприятный ветер — не знаю, откуда, и все мы, за исключением врача, были сняты с мест, и я в том числе. До тех пор мои отношения с ОНО¹ были самые приличные. Да и за что им было быть мною недовольными: работала я не по 12, а буквально по 14-15 часов в сутки, д<етский> д<ом> привели мы в сравнительный порядок, жили мирно, без всяких осложнений и скандалов. Погруженная в работу я даже забыла, что я политический человек; да и смешно и глупо было бы с моей стороны начинать детям внушать какие-то наши идеи, когда они нуждались в самом элементарно человеческом: они не понимали, как можно смотреть книгу, как можно играть, чтоб не подраться и т<ак> д<алее>. Поэтому я никогда ни полусловом не обмолвилась перед детьми о своих полит<ических> убеждениях; да и привязанность моя к детям и буквально ужас при мысли о разлуке с ними не позволили бы мне пойти на риск.

Но нашлись досужие люди, кот<орые> на меня написали донос, что я развращаю детей, воспитывая в к<онтр>революционном духе, что я заставляла детей выкалывать глаза в портрете Ленина (такового даже в нашем здании не было), подбивала их на бунт. И вместо того, чтоб произвести расследование, назначить комиссию, Отдел (там был новый состав, меня не знавший) уверовал в сплетню, очень охотно распространив ее широко в коммунист<ических> сферах. Я уже готова была примириться с тем, что меня выкинули, но хоть бы другие хорошо работали. Но видела, что дело падает и падает. Тогда я стала бросаться к коммунистам, умоляя спасти детей. Мне обещали в одном месте; я ждала, не дождавшись, обращалась к другим людям, мне снова обещали, и снова ждала; а многие, я видела, не верили мне, считая, что я свожу личные счёты.

Да, действительно, случайно совсем совпал со временем моего ухода (совершенно случайно) детский "бунт", состоявший в общем плаче всех детей навзрыд над их бедственным сиротским положением: начали дети петь сиротские песни, не выдержали и разревелись, порываясь в жалобах: "Наши отцы и братья за сов<етскую> власть голову сложили, и мы думали вырасти советскими защитниками, а что мы видим? Как о нас заботятся? Мы оборвались, босиком по замерзшей земле должны ходить, опять трупы увозить будут возами, как в 21 г<оду> вывозили... и т<ак> д<алее>. Нам говорят: вы дети — строители будущего. Какие мы строители? И если строители, то почему же нас морят?"... Дети все почти пережили ужасы 21 и 22 года, вот и всколыхнулось у них в душе все старое. Я из сил выбивалась, их успокаивая, но порой не в силах была выдержать, выскакивала на балкон, чтобы не быть на их глазах, и глушила

¹ Отдел Народного Образования.

собственные рыдания. Затем я призвала одного коммуниста на помощь, кое-как успокоили детей, обещая назавтра вызвать Предс<едателя> Губ<ернского> исполкома, чтоб дети ему самому смогли рассказать обо всех своих нуждах, что и было сделано. Вот и весь бунт. Да, портрет Луначарского оказался перевернутым лицом к стене в мое отсутствие. Заметив это, я потребовала повесить его, как следует, что и было выполнено беспрекословно. Вот эта-то история создала мне репутацию бунтовщицы, не позволила мне позднее вернуться к детям и бросила их в объятия Крота.

Вот эта-то стена и есть самое страшное во всей этой истории. Ведь благодаря этой стене, которую никакими терминами нельзя было пробить в течение 4-х месяцев, частью наполовину, а частью уже окончательно погибло 300 детей. Почему они погибли? П<отому> ч<то> не было, быть может, средств? Ничего подобного: если направо и налево могли тащить и заведующий, и завхоз из д<етского> д<ома> и продукты, и обувь, и одежду, значит, не совсем были пусты кладовые.

Может быть, не было людей? Тоже неверно. Потому что в городе есть непартийные педагоги, опытные и умелые. Так в чем же причина?

Исключительно в нерадении, в преступном нерадении, алчности, недобросовестности. Д<етский> д<ом> был удобным источником доходов, потому что удобнее совершать грабеж, прикрываясь партийным именем, а также ссылаясь на то, что ведь центр предписал им лозунг: "Дорогу коммунистам, долой беспартийных". Если такой лозунг действительно выброшен в центре, то на местах он очень ловко используется всякими мерзавцами, и центр должен это учесть; в таком случае большая доля ответственности за моральное и физическое калечение детей ложится на центр. Если же такого лозунга центр не давал, то его долг сделать внушительное распоряжение по этому поводу на месте. Может быть, я пишу несколько резко, но, если бы вы знали, какими чудесными стали было становиться ребята до появления Крота, когда нашелся, наконец, ключик к их сердцу, и какими озлобленными зверушками они стали теперь, с отчаяния, кажется, на все махнувши рукой, то не только бы меня поняли, но и позадумались бы серьезно над моими словами. Не для красных слов пишу я, руководимая такою болью за детей, за их настоящее и будущее и за ту порчу, рассадником которой они обязательно должны быть в жизни.

Пишу, п<отому> ч<то> исполнилась чаша моего терпения. И буду впредь писать. Пассивность в подобном деле считаю преступлением. Не могу простить себе, что мало писала. Не во все двери стучалась, не кричала криком о том, о чем надо кричать. Мне все обещали поправить дело, и я ждала, и в результате 4<-х> месячных ожиданий — около 300 детей сделались почти преступниками. Если можете что-нибудь сделать — сделайте. Может быть, еще удастся спасти тех из детей, которые еще не окончательно погибли.

Ю. Зубелевич»².

1 января 1924 — Юлия Михайловна Зубелевич была приговорена к высылке в административном порядке за границу на 3 года. В марте 1924 — выехала в Польшу.

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 10. С. 283-284. Машинопись.